

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ТОМАСОМ ЛУКМАНОМ*

— Где Вы родились и как Вы стали социологом? Почему Вы заинтересовались этой профессией? Расскажите вкратце, пожалуйста, историю Вашего профессионального становления.

— Вся мою жизнь за несколько минут...

— Можно и дольше...

— За десять минут. Я родился почти 75 лет назад в горной местности, там, где сейчас находится Словения, а тогда это была Словенская часть Югославии. До 1918 г., когда мои родители и еще раньше их предки — наполовину тирольцы, наполовину словенцы — жили в этих местах, эта территория принадлежала Австро-Венгерской Империи. Я пошел в начальную школу в маленьком провинциальном городке, а в гимназии учился уже в Любляне. В 1941 г. мой родной город был захвачен Германией, а Любляну контролировали итальянцы. Я продолжал обучение в немецких школах в Каринтии и Вене. В конце войны, окончив курсы подготовки планеристов, я некоторое время служил в немецких военно-воздушных силах. После войны я недолго учился в Австрии, в Вене и Инсбруке. В начале 1950-х годов я эмигрировал в США. После переезда в Штаты я продолжил учиться и работать. Мы оба работали — я и моя жена, которую я встретил незадолго до отъезда из Европы (ее отец был родом из Латвии, профессор музыки из Риги, мать — поляч-

* Профессор Томас Лукман, автор многих работ по феноменологии, социологии повседневности, социологии морали, один из известнейших социологов мира, в марте 2002 г. прочел курс лекций на факультете политических наук и социологии Европейского Университета в Санкт-Петербурге.

ка, из рода Чарторыжских). Потом у нас появились сестры, две девочки. Скажем так, не без трудностей мы оба учились в аспирантуре Новой Школы Социальных Исследований в Нью-Йорке (New School of Social Research). Так как я работал дворником, у меня оставалось больше времени на учебу, чем у моей жены, которая работала секретаршей полный рабочий день. В результате я защитил PhD в тот же год, когда она получила степень магистра. До этого я стал магистром философии в той же Новой Школе. После этого я переключился на социологию.

Вы спросили, как я стал социологом. Точно не знаю. Все могло сложиться иначе. Были другие возможности, кроме занятий наукой. Я раздумывал, не стать ли мне гражданским летчиком или инструктором по спортивному планированию. Когда после войны я все-таки решил начать учиться, будучи совсем еще молодым человеком, я даже не думал о том, окончу я университет или нет, и вовсе не помышлял о научной карьере. В студенческие годы я больше всего увлекался философией и лингвистикой, но также слушал курсы по таким дисциплинам, как история, психология, литература. К тому времени, когда я попал в Штаты, я все еще, в основном, изучал философию. В то лето, когда мы переехали в Штаты, я работал шофером у одного юриста, чрезвычайно богатого человека из верхнего Нью-Йорка. Он был знаком с президентом Новой Школы Алвином Джонсоном и рекомендовал меня ему. Речь шла о том, чтобы получить стипендию для обучения в Колумбийском Университете. Ожидая интервью с Джонсоном, я читал список курсов, которые предлагались в Новой школе. Мне они показались более интересными, чем программа обучения в Колумбийском Университете. Особенно это касалось философии и социологии. Поэтому я спросил Джонсона, не сможет ли он способствовать тому, чтобы я получил стипендию для обучения в Новой Школе, а не в Колумбийском университете. Мне кажется, ему понравилось, что я предпочел Новую школу, к тому же он предложил стипендию не только мне, но и моей жене, и написал ей, мол, вот так делаются дела в Соединенных Штатах (насколько я помню, супруга Джонсона была известным специалистом по классической литературе и языкам).

Наиболее интересный курс преподавал немецкий философ-эмигрант Карл Левит (Loewith). На мой взгляд, это один из лучших немецких философов XX века, более основательный, чем многие знаменитости, такие, например, как Хайдеггер. Другой философ-эмигрант, чьи курсы показались мне интересными, но чьи работы я еще не читал в то время – был Альфред Шютц. Там также были курсы, посвященные теории языка, которые читал медик – Курт Годштейн. В основном он работал в Хирургическом колледже Колумбийского Университета, и, как я узнал позднее, был известен своими работами по афазии.

— *В каком году это было?*

— В 1951 -ом. Я получил магистерскую степень в 1953 году. Это заняло у меня примерно два года работы и учебы. Итак, я начал учиться в Новой Школе, на выпускном курсе философии. Конечно, там преподавали другие замечательные ученые, в основном, немецкие и еврейские эмигранты, такие, как Альфред Солонин и Карл Майер. Я писал свою магистерскую диссертацию по моральной философии Альбера Камю. Когда Левит получил профессорское место в Гейдельберге и уехал в Германию, Шютц стал заведующим кафедрой.

Интервью с профессором Томасом Лукманом

После этого независимо от моих постоянных занятий феноменологией, мой интерес стал смещаться от философии в сторону социологии. Именно в это время я подружился с Питером Бергером – мы познакомились на семинаре по религии, который вел Левит. Потом мы вместе слушали курс Майера по Веберу и религии. Так случилось, что Майер получил большой грант Фонда Рокфеллера на исследование состояния церкви и религии в послевоенной Германии. Он предложил Бергеру работу в этом проекте в качестве помощника исследователя (research assistant). Когда Бергер уже сидел на чемоданах, собираясь на полевое исследование в Европу с Манером и двумя другими помощниками, его забрали в армию. Это было во время Корейской войны. Слава Богу, он не попал в Корею, но, тем не менее, не смог продолжать работу по проекту. Меня же в армию не призвали, потому что я был женат и имел к тому времени двоих детей. Такие люди в последнюю очередь призывались на воинскую службу. Поэтому Майер обратился ко мне, чтобы я работал в проекте вместо Бергера. Во-первых, я знал немецкий, а, во-вторых, немного разбирался в социологии религии. Итак, начав свою карьеру с работы шофера и дворника, я стал исследователем-ассистентом в этом проекте, из студента-философа я превратился в эмпирического социолога, работающего в поле. Я проводил полевое исследование по проекту Майера-Рокфеллера в Германии примерно семь месяцев и за это время собрал основные данные, необходимые мне для докторской диссертации, посвященной сравнительному исследованию протестанских приходов в Германии. С тех пор я работаю в области социологии, во всяком случае, в социологических институциональных структурах.

— Чувствовали ли Вы, что подход Шютца к анализу социальной жизни чем-то отличался от общепринятых в социологии того времени подходов? Были ли у Вас какие-нибудь проблемы с конструктивизмом?

– Шютц не был конструктивистом. Так же, как и Питер Бергер не является конструктивистом. Особенно в том смысле, который нынче так распространен. Тех, кто считает себя конструктивистами в этом последнем смысле, я считаю дураками. Давайте проясним, что я имею в виду. Я конструктивист в том смысле, в каком Карл Маркс был конструктивистом в своих «антропологических» работах. Как социолог я считаю себя веберянцем, то есть последователем целой плеяды ученых, который следовали веберовской концепции понимающей исторической социологии. Мне казалось, что Шютц и его феноменология повседневности – это именно то философское протосоциологическое основание, которого не хватало веберовской исторической социологии и социальным наукам вообще. Я пришел к этому выводу в ходе изучения социологии науки, после длительных обсуждений и споров с представителями других интеллектуальных школ. Конечно, для идей Шютца наиболее важной является философия Гуссерля, но его подходу также близки представления сторонников философии прагматизма, таких, как Ч.С. Пирс, У. Джеймс, Дж. Г. Мид. Я был уверен, что Венский кружок – Карнап, а также ранний Витгенштейн и их американские последователи абсолютно не правы. Можно сказать, что Шютц – урожденный житель Вены, косвенно связанный с Венским кружком через своего друга, «диссидентствующего» члена кружка – Кауфманна развивал свои взгляды противоречивости позиции Венской школы.

Как видите, уже в студенческие годы, т.е. достаточно рано у меня сформировалось негативное восприятие общепринятого подхода в социальных науках или основной философии социальных наук. Благодаря Шютцу и выдающемуся американскому феноменологу Дориону Кearnсу (Dorion Cairns), а также благодаря Арону Гурвичу, который позже стал моим коллегой по университету, я стал интенсивно читать Гуссерля. Это оказало чрезвычайное влияние на мое мышление.

А теперь по поводу конструктивизма. Книга, написанная в соавторстве с Бергером, действительно называется «Социальное конструирование реальности». Ее замысел заключается в том, чтобы представить определенный взгляд на социальную теорию в категориях социологии знания. Она избирательно и эклектично основывалась на основных идеях антропологических работ Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии Макса Вебера, и, конечно же, социальной психологии Дж. Г. Мида. Теоретическим основанием предложенного нами синтеза является феноменология жизненного мира, разработанная Гуссерлем и Шютцем. Так что в этом смысле – ничего нового. Наше новое прочтение – открытие – если можно так выразиться, заключалось в том, что человеческое создание человеческого мира включает также формирование современной социальной теории.

— *Расскажите, пожалуйста, историю Вашего соавторства, историю написания книги совместно с Бергером. Как Вам пришло в голову написать эту книгу, которая впоследствии стала столь популярной, в том числе и в российском социологическом сообществе?*

— Во-первых, надо понять, как мне вообще пришло в голову писать совместно с Питером Бергером. Дело в том, что до книги мы написали вместе две статьи. Нет, мы написали три статьи. Я уже говорил, что мы подружились в студенческие годы. Мы стали также интеллектуальными друзьями. Мы обсуждали разные вещи. Я думаю, что идея написать что-нибудь совместно исходила от него. Первые две статьи были по социологии религии и социологии знания. К тому времени мы вместе с тремя-четырьмя людьми – философом и двумя социологами, чьи имена сейчас не важны, решили написать книгу о знании. Мы с Бергером стали работать над планом книги. Потом по той или иной причине остальные отказались от этой идеи, и мы решили работать над ней вдвоем, но немного по-другому. Мы решили написать не сборник статей, а цельную монографию. Перед тем, как приняться за книгу, мы написали третью статью в соавторстве. Это все потому, что я был очень медлительным и все тянул с книгой. Я в тот момент работал над некоторыми аспектами социальной мобильности и личностной идентичности. У меня была пара гипотез или наметок, но работал я очень медленно. Из-за того, что я все никак не мог закончить статью, Бергер потерял терпение и предложил мне помощь. До этого мы подписывали статьи в алфавитном порядке, потому что трудно или практически невозможно было сказать, кто главный, а кто второй автор статьи. Но в данном случае мы сделали исключение и поставили мое имя первым (смеется). Итак, мы опубликовали вместе три статьи и одну книгу. Позже, в начале 1990-х годов мы написали еще одну маленькую книгу.

Интервью с профессором Томасом Лукманом

— *Уезжали ли Вы куда-нибудь для работы над книгой, которая стала столь популярной? Я знаю, что Вы писали ее в Альпах. Каким образом работа была организована практически?*

– Как она была организована практически? После того, как другие предполагаемые соавторы отказались от работы, мы решили начать с детального плана. В это время Питер Бергер преподавал в Северной Каролине, а я, после нескольких лет работы в одном из колледжей Верхнего Нью-Йорка, начал преподавать в аспирантуре Новой Школы как преемник Шютца на социологическом факультете. Так я вернулся профессором или ассоциированным профессором в университет, где получил PhD. Бергер в то время там не работал. Мы начали писать в соавторстве еще в студенческие годы. Потом, несмотря на дистанцию, нас разделяющую, мы оставались друзьями и как-то умудрялись совместно работать. К тому времени, когда мы решили написать книгу, он уже был в Новой Школе. Надо сказать, что Питер был более трудолюбив. Он любил писать и писал намного быстрее и легче, чем я, и к тому же, он, вероятно, был более серьезно ориентирован на публикации.

Но вернемся к книге. В начале 1960-х годов моя жена получила годовую докторскую стипендию во Фрайбурге, в Германии. Ее диссертация, кстати, была посвящена трансформации мировоззрения российского крестьянства в ходе коллективизации (позднее она опубликовала книгу о политике в малом немецком городе, основанную на исследовании, которое она провела на деньги эмигрантской стипендии в США). Целый год она прожила с нашими дочерьми недалеко от Фрайбурга, в Шварцвальде. Я на это время взял академический отпуск (sabbatical) и жил с ними в Германии месяцев шесть или семь. Тогда я сочинял первые главы книги «Структуры жизненного мира» (Structures of the Life-World), которую Шютц замыслил написать перед самой своей смертью и над которой я работал на основании оставленных им заметок. (Вдова Шютца, Ильзе, и Арвил Бродерсен, один из распорядителей его литературного наследия, попросили меня написать эту книгу на материале его рукописей и заметок. Я согласился, не понимая всей сложности предстоящей задачи. Я писал по-немецки, потому что Шютц тоже хотел написать эту работу на немецком языке). Тем летом Бергер с семьей отдыхал в Европе. Несколько дней мы провели вместе в горной части Австрии, у озера Констанс. Обедали в ресторане высоко в Альпах под аккомпанемент игры на цитре. В память о том вечере, и еще потому, что нам надоели бесконечные посвящения научных книг женам, матерям, бабушкам, воспитательницам детского сада, дворникам и т.д., мы решили посвятить книгу кому-нибудь другому, некоему Jodler, или, например, тому, кто играл в тот вечер на цитре (смеется). Об этом сказано в предисловии к книге.

Когда мы осенью снова встретились в Нью-Йорке, план книги был уже готов. Бергер тоже уже работал в Новой Школе. Мы иногда встречались в университете, но над книгой мы работали дома. У меня была квартира недалеко от площади Вашингтона (Washington Square) в Северной Деревне (Northern Village), а Бергер жил достаточно далеко в верхней части города. Обычно мы раз в неделю встречались у меня дома. Мы занимались по очереди каждым из разделов книги, обсуждали, что мы хотим сказать в той ли иной главе. И когда незначай кому-то приходила в голову особенно выразительная формулировка, он записывал ее – вдруг пригодится в будущем. Обычно, однако, Бергер делал заметки, не расписывая детали, йотом приходил домой, печатал две страницы текста двумя пальцами на своей пи-

шущей машинке, потом передавал их мне в университете или отсылал по почте. Я либо принимал написанное как есть, либо перепечатывал кусок заново (четырьмя пальцами). Потом мы опять встречались. Первая часть наших заседаний, обычно длящаяся двадцать минут или полчаса, посвящалась обсуждению того, что мы сделали в прошлый раз и о чем мы договорились. Потом мы переходили к следующей части. Я не помню, чтобы у нас были какие-то разногласия. Конечно, мы довольно много спорили, но, в общем, придерживались одной теоретической позиции.

Одна из глав книги писалась иначе. Как я уже упоминал, к тому времени я уже начал работу над «The Structures of the Life World». Я передал законченные главы рукописи Бергеру (они были на немецком языке), а он сделал по-английски выжимку из разделов, которые, по нашему мнению, подходили для нашей совместной книги. Фактически, одна из глав – это Шютц, интерпретированный Лукманом и переформулированный и резюмированный Бергером.

Над всеми остальными частями мы работали так, как я это Вам описал. Я не могу сказать, кто что написал в этой книге. Бергер, например, знал намного больше по социологии знания, особенно некоторых авторов. Конечно, мы оба знали Маркса, кое-что из Маркса. Я не читал всего Маркса, и никогда не собирался этого делать. Я недостаточно знал работы Макса Шеллера, а Бергер знал их основательно. С другой стороны, я более глубоко разбирался в феноменологии. Однако, в основном эта книга – результат совместного письма.

— Представьте, что Вас просят рассказать о себе перед большой аудиторией. Как бы Вы описали свой основной вклад в социологию?

– Основной вклад? Я лучшая мормышка в социологии.

— На языке рыбаков мормышка — это такая искусственная муха...

– Возможно, звучит нескромно, но с моей точки зрения, я лучшая мормышка в социологии (смеется)... Серьезно, нет, я не хотел бы рекламировать себя как социолога. По нескольким причинам. Во-первых, естественно, по причине скромности. Во-вторых, это противоречит хорошим манерам, что очень важно. В-третьих, я, право слово, не знаю. Дайте подумать...

— Мне кажется, иногда люди вынуждены это делать. Подводить итоги. В определенные периоды жизни. Что я сделал в этом мире или для этого сообщества? Каков мой вклад в той области знания, где я работал?

– Не могу согласиться. Далеко не все люди. И я в том числе.

— Тогда Вы счастливый человек.

– В этом смысле, да. Я не люблю слишком много о себе думать. Я люблю думать о том, что меня радует. В основном, о людях, пейзажах, животных, реках... Но люблю ли я думать о себе самом?... Я люблю рассказывать истории из своего детства и взрослой жизни. Иногда нехотя приходится вспоминать некоторые периоды жизни... С другой стороны, одна из проблем, которой я занимаюсь в социологии, – это проблема личной идентичности, которую я рассматриваю как социальный конструкт. Но идентичность личности – это нечто иное, чем самовосприятие или об-

Интервью с профессором Томасом Лукманом

раз себя или размышления о себе. Я бы даже сказал, что большинство нормальных людей особенно много о себе не думают. Я бы хотел причислить себя именно к таким людям.

— *Какова же Ваша идентичность?*

— Бог его знает. Моя идентичность проявляется в том, что я делаю.

— *И все?*

— Да. Если я отказываюсь разговаривать о своей душе, тогда Вы можете обо мне судить только по тому, что я написал и сделал. Конечно, если Вы знаете, что я сделал и написал. Не то чтобы я не интересен сам себе. Мне не интересно размышлять о самом себе. Более того, мне не интересно говорить о самом себе в этом ключе.

Можно сказать, что оглядываясь назад в возрасте 75 лет, а мне скоро 75, необходимо сесть и задуматься о том, не стоило ли тебе стать монахом в двадцатилетнем возрасте. Нет, это никогда не приходило мне в голову. В какой-то момент, в молодости, я хотел стать летчиком. Это единственное, что могло до какой-то степени сравниться с моим желанием стать ученым. Но второе постепенно победило. Я понял, что **сМoiу** совместить интеллектуальные занятия с карьерой, которая неплохо оплачивается и позволит мне и моей семье, в конце концов, поддерживать довольно высокий уровень жизни. И даже обеспечит пенсию! Когда я выбирал такой путь, благодарный тому, что мне вообще удалось выжить, я не думал о душе, я не думал о своих чувствах. Я думал о жизни и о тех вещах, которыми я хотел заниматься. Если Вы хотите, чтобы я оценил свой вклад в социологию, то мне придется постараться схематизировать и обьективировать свою жизнь, взглянув на нес со стороны, найти формулировки, которые не приходят мне в голову сами собой. Я мог бы это сделать с усилием, в той мере, в которой я хочу доставить Вам удовольствие. Но я не хочу доставлять Вам так много удовольствия.

— *Простите, если мой вопрос прозвучал слишком категорично и настойчиво. Я хочу Вас спросить, что Вы имеете в виду, когда говорите о себе «я решил стать социологом». Что это значит — быть социологом?*

— Ничего особенного. Абсолютно ничего особенного. Я идентифицирую себя как социолога в смысле профессиональной карьеры. В более широком смысле, не только в смысле профессиональной карьеры для меня большое значение имеет то, что я ученый, ученый, занимающийся социальными науками. Я, скорее, тот, кто занимается социальными науками (social scientist), а не социолог. Я не вижу никакой разницы между социологией, социальной антропологией и культурной антропологией. Существуют некоторые различия между историей и социологией, и это в первую очередь вопрос метода, однако эти различия, на мой взгляд, тоже не принципиальны. Я также в принципе вижу мало различий между социологией и социальной психологией, хотя у меня есть глубокие сомнения по поводу основного русла психологии. Так что я ученый, занимающийся социальными науками, и в этом мое призвание. Я осознал это, когда понял, что многие философские вопросы могут быть сформулированы скорее в рамках социальных наук, чем в рамках академической философии.

— *Большое спасибо. Я не хочу отнимать у Наемного времени. Я бы хотела поговорить еще немного о Ваших впечатлениях от России.*

— Вы меня предупредили, что спросите об этом. Я немного об этом подумал, но все еще точно не знаю, как ответить. Нужно начать с осторожной преамбулы – я не изучаю Россию. Ничто из того, что я скажу, не имеет научного статуса. Если хотите – это всего лишь мои впечатления. Я даже не говорю по-русски, что, конечно, большой недостаток. Однако, хоть я и не знаю русского языка, один из моих родных языков – язык моей матери – словенский. Я изучал также сербохорватский язык. Это значит, что я **Moju** читаю по-русски, хотя и очень медленно, с помощью словаря, я понимаю некоторые слова или даже предложения. Это не то, что венгерский или китайский языки, которые я не понимаю совсем. Но, конечно, этого недостаточно. Человек, рассуждающий о стране и о людях, обязан говорить на языке этой страны. Так что, если речь идет о публикации, Вы должны воспринять эту мою преамбулу серьезно. Перед тем как открывать рот и высказывать какое-либо суждение об обществе, человек должен выучить язык страны и прожить в ней как минимум **ГОД**. Я не знаю языка, и я не жил здесь на протяжении года. И все же я хочу... Я не хочу, но чувствую себя обязанным сказать несколько слов, несмотря на все противопоказания.

— *Конечно.*

— Мы просто болтаем. Ничего больше. Я второй раз в России. Я был здесь почти три года назад. Тогда я провел десять дней в Москве и три дня здесь, в Петербурге. Сейчас я здесь уже четыре недели. Я, в основном, да и то не так уж много, вращаюсь в академической среде. Мой опыт очень ограничен – ездил на маршрутке, гулял по Эрмитажу, смотрел комедию Островского «Таланты и поклонники», из которой я не слишком много понял, но то, что понял, не произвело на меня особой впечатления. Это не было шедевром жанра. Но я могу быть не прав, потому что я не понял всех аллюзий, связей и контекстуальных элементов. Это доказывает, что человек не вправе рассуждать о вещах, которых не понимает. Это один из примеров. Но мне показалось, что пьеса не была так уж хороша. Здесь можно провести аналогию с ограниченностью моего опыта и знанием контекста в целом. Не зная культурного контекста, трудно оценить произведение искусства или продукт культуры.

Теперь о Петербурге. Я не буду повторять избитое – каждый турист вам может перечислить достопримечательности этого города, его красивейшие места. Не только Эрмитаж, но и Русский музей. Мне, например, была особенно интересна (здесь я говорю как квазисоциолог) коллекция исторической живописи. Эта коллекция является примером попытки сконструировать легендарную историю России, почти мифологическую иконографию.

Второе впечатление – такси. Если ты говоришь по-английски, ты платишь вдвое больше. Когда я говорил здесь по-сербски, я платил половину. Наибольшее впечатление от больших социальных различий и социальных контрастов.

— *Поляризация? Бедные и богатые. Вы это имеете в виду?*

— Да, и это тоже. Но кое-что еще. Сейчас объясню. Прекрасные здания. Большинство сохранилось с царского времени – они относятся к периоду классициз-

Интервью с профессором Томасом Лукманом

ма – немного позже, немного раньше. Некоторые из них, как мне кажется, прекрасно отреставрированы. Насколько я могу судить как обыватель...

С другой стороны, инфраструктура, улицы, трамвайные пути, дороги – в удивительно запущенном состоянии. Это противно западному восприятию. Также, разница между бедными и богатыми. В России живет моя дальняя родственница – тетушка. Я встречался с ней в мой прошлый приезд, приглашал ее в Австрию. Это старая дама, ей 83 года. Она преподавала французский в Университете им. Герцена. Сейчас – на пенсии. Однажды мы пригласили ее на обед. Мы пошли в Литературное кафе на Невском, названное так в память о Пушкине. В этом Литературном кафе готовят худшую еду, которую я ел за много лет своей жизни и все это под пение сопрано (без которого я вполне мог бы обойтись). А, по словам моей тети, обед на троих в этом кафе стоил столько, сколько она зарабатывает в месяц. Вот такого типа несоответствия... (контрасты (встречаются на каждом шагу. Сегодня я тоже ел в очень дорогом ресторане, но еда и обслуживание были на высоте. При наличии больших денег можно жить роскошно. Моя приятельница (д-р Ренате Лахман является профессором славянской литературы вун-те г. Констанца – ее книга по риторике переведена на русский язык; за время нашего короткого пребывания здесь она прочла курс лекций в Петербурге и в Тартуском университете) и я жили в небольшой квартире. Квартиру трудно назвать роскошной, она небольшая, недалеко отсюда, у Никольского собора. Я наблюдал систему сбора мусора, которую, мягко говоря, можно назвать неадекватной. Я видел подъезд в этом доме, который еще не нуждается в капитальном ремонте и в принципе мог бы выглядеть вполне прилично. Если бы не грязь... Мне кажется, люди, сами жильцы, а не только государство или муниципалитет должны заботиться о своем дворе и своем подъезде. Это мое последнее и, если хотите, главное наблюдение.

Некоторые из этих несоответствий (контрастов) – следствие форсмажорных обстоятельств, то есть они не зависят от человека или от группы людей. Зброшенность инфраструктуры – это результат прошлой и нынешней политической и экономической системы. Но мне все же кажется, что это косвенно связано и с доминирующей в обществе ментальностью. Я не могу судить об этом, так как не говорю по-русски и не общался с простыми горожанами. Я общался в основном с интеллектуалами, многие из которых были в прошлом диссидентами, другие неодобительно относятся и к существующему режиму, не говоря уже о прошлом! Однако, несмотря на все эти структурные ограничения, больше всего меня поражает то, насколько мало людей чувствуют потребность улучшить что-то, хотя бы там, где они живут. Используя социологические термины – создать начальные элементы гражданского общества или самоорганизации на этом уровне... Гражданская самоорганизация здесь явно затруднена. Я не настолько глуп, чтобы видеть то, чего нет и в помине, или не увидеть того, что есть. Однако я могу ошибаться в масштабах и глубине того, что я видел. Так что воспринимайте мои слова с долей сомнения.

*Интервью провела Е. Здравомыслова
Перевод с английского А. Ханжина*

28 марта 2002 года

Избранная библиография трудов Томаса Лукмана

Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Garden City, N.J.: Doubleday, 1966. (на нем. языке: *Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit*. Frankfurt/M, 1969; на рус. языке: *Социальное конструирование реальности*. М.: Издательство «Медиум», 1995. (переводе. Руткевич))

The Invisible Religion. New York, 1967. (на нем. языке: *Die unsichtbare Religion*. Frankfurt/M, 1991)

Soziologie der Sprache // Handbuch der empirischen Sozialforschung. Band 13 / Hrsg. R. König. Stuttgart, 1979.

Schliitz A., Luckmann T. *The Structures of the Life-World I*. Evanston: Northwestern University Press, 1973. (на нем. языке: *Strukturen der Lebenswelt*. Band 1. Frankfurt/M, 1979)

Schliitz A., Luckmann T. *The Structures of the Life-World II*. Evanston: Northwestern University Press, 1989. (на нем. языке: *Strukturen der Lebenswelt*. Band 2. Frankfurt/M, 1984)

Lebenswelt und Gesellschaft. Grundstrukturen und geschichtliche Wandlungen. Paderborn: Schöningh, 1980. (на англ. языке: *Life-World and Social Realities*. London: Heinemann, 1983)

Grundformen der gesellschaftlichen Vermittlung des Wissens: Kommunikative Gattungen // Kultur und Gesellschaft/KblierZeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft 1986. 27.

Kanon und Konversion // Kanon und Zensur // Hrsg. A. Assmann, .1. Assmann. München: Fink, 1987.

Kommunikative Gattungen im kommunikativen «Haushalt» einer Gesellschaft // Der Ursprung von Literatur // Hrsg. G. Smolka-Koerdt, P.M. Spangenberg, D. Tillmann-Bartylla. München: Fink, 1988.

Prolegomena to a Social Theory of Communicative Genres // Slovene Studies. 1989. № 1.

Prosoziologie als Protopsychologie // Sinn und Erfahrung. Phänomenologische Methoden in den Sozialwissenschaften / Hrsg. M. Herzog, C. Graumann, Heidelberg: Asanger, 1991.

On the Communicative Adjustment of Perspectives, Dialogue and Communicative Genres // The Dialogical Alternative: Towards a Theory of Language and Mind / Ed. A.H. Wold. London: Scandinavian University Press, 1992

Theorie des sozialen Handelns. Berlin/New York: de Gruyter, 1992.

Interaction planning and intersubjective adjustment of perspectives by communicative genres // Social intelligence and interaction / Ed. E.N. Goody. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Berger P., Luckmann T. *Modernity, Pluralism and the Crisis of Meaning. The Orientation of Modern Man*. Bertelsmann Foundation Publishers: Gütersloh, 1995.

The Moral Order of Modern Societies, Moral Communication and Indirect Moralizing // Konfigurationen lebensweltlicher Strukturphänomene / Hrsg. M. Wicke. Leske + Budrich, Opladen, 1997.

Remarks on the Description and Interpretation of Dialogue // International Sociology. 1999. Vol. 14. № 4.

Superficial or Radical Transformations of Religion and Morality in the Modern World // Euntes Docete. 2001. Vol. LIV. № 2.